

Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины

**Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова
Кафедра истории древнего мира и средних веков**

**Одесский археологический музей
Национальной Академии Наук Украины**

**Отдел археологии Северо-Западного Причерноморья
Национальной Академии Наук Украины**

ДРЕВНЕЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Выпуск IX

Одесса

ФЛП «Фридман А.С.»

2011

ББК 63.3(237Ук,7)

Д 73

УДК 902/904

Рекомендовано к печати Ученым Советом исторического факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова. Протокол № 5 от 21 февраля 2011 г.

Древнее Причерноморье. Выпуск IX / Глав. ред. И.В. Немченко. – Одесса: ФЛП «Фридман А.С.», 2011. – 520 с.

Сборник «Древнее Причерноморье» составлен на основании материалов IX Чтений памяти профессора П.О. Карышковского, международной конференции, которая состоялась в ОНУ имени И.И. Мечникова 11-13 марта 2011 г. и была посвящена 90-летию со дня рождения этого выдающегося ученого. Выпуск включает статьи по проблемам нумизматики, эпиграфики, археологии Северного Причерноморья, античной и средневековой истории, византиноведения, истории Европы раннего нового времени, историографии и т.д.

Редакционная коллегия:

Немченко И.В. – к.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, главный редактор.

Демин О.Б. – д.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории ОНУ имени И.И. Мечникова.

Дзиговский А.Н. – д.и.н., профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Кушнир В.Г. – к.и.н., декан исторического факультета ОНУ имени И.И. Мечникова.

Луговой О.М. – к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира и средних веков ОНУ имени И.И. Мечникова, технический редактор.

Охотников С.Б. – к.и.н., зам. директора Одесского археологического музея НАНУ.

Руссес Н.Д. – д.и.н., проф. Высшей антропологической школы (Кишинэу, Молдова).

Самойлова Т.Л. – к.и.н., зав. Отделом археологии Северо-Западного Причерноморья НАНУ.

Смынтына Е.В. – д.и.н., зав. кафедрой археологии и этнологии Украины ОНУ имени И.И. Мечникова.

Рецензенты:

Бруяко И.В. – д.и.н., директор Одесского археологического музея НАНУ.

Сорочан С.Б. – д.и.н., зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

*Издание осуществлено при финансовой помощи **Владимира Владимировича Левчука и Владимира Алексеевича Кравца.***

ISBN 966-96181-5-1

© Кафедра истории древнего мира и средних веков
ОНУ имени И.И. Мечникова, 2011

Д.В. Грибанов (Харьков, Украина)

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ПАНТИКАПЕЙСКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ 309 г. до н.э.

Сообщение Диодора Сицилийского о пантикапейской еkkлeсии 309 г. до н.э. (Diod. XX, 24, 4) является важнейшим свидетельством деятельности народных собраний на раннеспартокидовском Боспоре. Ценность и достоверность сведений, получаемых нами из рассказа Диодора, связана ещё и с тем, что вероятным первоисточником для него послужил исторический труд, написанный местным боспорским автором вскоре после правления Эвмела¹. С другой стороны, крайняя лаконичность сообщения Диодора не позволяет аргументированно судить обо всех нюансах пантикапейских событий 309 г. до н.э. и самого народного собрания. В связи с этим современные исследователи, отдавая должное данному источнику, признавали тот факт, что важнейший репрезентативный орган полисной гражданской общины, которым являлось народное собрание, продолжал существовать в Пантикапее и более чем через столетие после прихода к власти Спартокидов, но от дальнейших выводов о его деятельности, как правило, воздерживались².

В то же время, в рассказе Диодора содержатся важные свидетельства, указывающие на то, какие социальные группы могли быть представлены на народном собрании и, соответственно, имели преобладающее политическое влияние в пантикапейском полисе в конце IV в. до н.э. Исследование этого источника позволит не только лучше понять механизмы деятельности боспорской еkkлeсии, но и прояснить некоторые особенности социально-политического устройства спартокидовского Боспора.

При описании народного собрания 309 г. до н.э. Диодор наиболее подробно остановился на выступлении Эвмела, охарактеризовав его как демагогическое (Diod. XX, 24, 4, 7). Поскольку боспорский правитель стремился угодить пантикапейцам, пришедшим на народное собрание, в его выступлении должны были получить отражение наиболее важные интересы и требования той аудитории, к которой он обращался. Диодор сообщает о двух главных экономических обещаниях Эвмела: сохранении ателии, то есть права беспошлинности, и отмене эйсфоры – чрезвычайного военного налога (Diod. XX, 24, 4, 4-6). Попробуем рассмотреть эти две меры с точки зрения того, какой социальной группе они могли быть выгодны в первую очередь.

Ателия, упомянутая Диодором, обычно отождествляется с освобождением от таможенных сборов³. Однако Ю.Г. Виноградов считал такое объяснение «неудовлетворительным» и, вслед за М.И. Ростовцевым, трактовал ателию пантикапейцев в более широком смысле – в качестве «освобождения от всех регулярных прямых и непрямых государственных сборов»⁴. Впрочем, убедительных доказательств в пользу этой точки зрения так и не было представлено. Разумеется, исследовавшийся

Ю.Г. Виноградовым фанагорийский декрет о даровании гражданских прав наёмникам, относящийся к началу I в. до н.э., предполагал именно такое «расширенное» понимание ателии, упомянутой в нём, однако в эпоху ранних Спартокидов этот термин имел, безусловно, более узкое значение, связанное с освобождением от таможенных выплат.

Именно в качестве права беспошлинности ателия часто применялась Спартокидами для поощрения иностранных купцов, действовавших в интересах боспорских правителей⁵. Проксении, издававшиеся на Боспоре в IV в. до н.э., указывают на то, что включала в себя ателия в этот период: «дали свободу от пошлин на все товары и право въезда в гавань и выезда во время войны и мира, без конфискации и без необходимости договора» (КБН, № 1-5). Поэтому можно предположить, что и для боспорского историка раннеэллинистического времени, труд которого послужил основой для рассказа Диодора, данный термин должен был означать «право беспошлинности». Иначе сложно понять, зачем пантикапейцы, освобождённые Спартокидами от «всех регулярных прямых и непрямых государственных сборов», вдруг обкладывались эйсфорой – чрезвычайным налогом, который всегда воспринимался греками в качестве самой радикальной меры пополнения казны⁶. Поэтому в эпоху правления ранних Спартокидов в официальном канцелярском лексиконе Боспора ателия вряд ли означала что-то большее, чем свободу от выплаты таможенных пошлин. При этом подобные права могли предоставляться как отдельному торговцу или семье, в рамках предоставления проксении, так и целому государству, о чём свидетельствует в своей речи «Против Лептина» Демосфен, сообщающий о разрешении на беспошлинный вывоз зерна с Боспора, полученном афинянами от Левкона I (Dem. XX, 31-33).

Таможенными льготами на Боспоре в IV в. до н.э. пользовались и другие греческие полисы, например, лесбосская Митилена⁷. Следовательно, дарование предками Эвмела ателии пантикапейцам не было чем-то уникальным. В то же время, воспользоваться этим правом могли лишь жители Боспора, непосредственно вовлечённые в международную оптовую торговлю – крупные землевладельцы, навклеры, ростовщики.

Весьма показательным было и обещание Эвмела отменить эйсфору (Diod. XX, 24, 4, 6). Этот чрезвычайный налог вводился только в период войн, когда полис остро нуждался в дополнительных денежных средствах⁸. Эйсфорой облагались лишь самые обеспеченные граждане, и в этом смысле данный налог являлся результатом дальнейшего развития идеи литургий, хотя формально к литургиям он не относился. Определённого имущественного ценза для плательщиков эйсфоры не существовало. В Афинах этим налогом облагались 1200 граждан, организованных в 20 симмориюв – специальных коллегий в составе 60 человек, набравшихся по экстерриториальному принципу с учётом равномерного разложения общей суммы налога между всеми симмориями⁹. Размер налога, который должен

был выплатить каждый из членов симмория, зависел от размера его имущества.

В IV в. до н.э. в Афинах развилась практика проэйсфоры, когда богатейший из членов симмория в порядке откупа выплачивал всю предназначавшуюся сумму налога за свою коллегию. Решение о необходимости сбора эйсфоры могло утвердить только афинское народное собрание, и делало оно это лишь в случае крайней необходимости.

На Боспоре учреждение эйсфоры, отменённой в 309 г. до н.э. Эвмелом, могло быть связано с войной сыновей Перисада I. После восстания Эвмела в Синдике, Сатиру и Притану, вероятно, срочно понадобились средства для вербовки наёмников – 2 тыс. греков и 2 тыс. фракийцев, которые затем приняли участие в битве на реке Фате (Diod. XX, 22, 4). Нельзя исключить того, что Перисад оставил своим наследникам пустую казну, учитывая проводившиеся им масштабные строительные работы в Пантикапее, вероятно, требовавшие значительных денежных затрат, а также войну со скифами на рубеже 330-320-х гг. до н.э., которая могла надолго подорвать финансовую стабильность Боспорского государства. Возможно, введение Сатиром и Пританом эйсфоры было продиктовано необходимостью срочного аккумулирования свободных денежных средств, в то время как значительная часть их доходов от экспорта хлеба могла поступать на Боспор с некоторой задержкой, о чём свидетельствует Демосфен, отмечая, что у афинян хранились деньги Левкона (XX, 40).

Так или иначе, тяжесть эйсфоры должна была лечь на плечи наиболее состоятельных граждан. Разумеется, чрезвычайным налогом могли быть обложены не только богатейшие граждане, но и средний слой, ведь, судя по афинскому примеру, для эйсфоры ценовых ограничений не существовало. Однако даже в разгар Пелопоннесской войны выплачивать эйсфору была обязана сравнительно небольшая доля афинских граждан¹⁰. Вряд ли скоротечная боспорская война между сыновьями Перисада I требовала большей фискальной нагрузки. Поэтому обещание Эвмела отменить эйсфору должно было удовлетворить, в первую очередь, интересы богатейших граждан, которые выплачивали этот налог.

Тем не менее, в отмене эйсфоры хотя бы косвенно могли быть заинтересованы и граждане со средними доходами. Как сообщает Демосфен в речи против Формиона, в разгар войны Перисада I со скифами торговля на Боспоре была полностью парализована: «прибыв на Боспор (Формион) ... почти не находил покупателей для привезённых товаров и не знал, что делать» (Dem. XXXIV, 8). Значительных разрушений на боспорской хоре, которые можно было бы уверенно связать со скифской войной Перисада, до сих практически не обнаружено, поэтому нельзя исключить того, что тяжесть экономической ситуации на Боспоре в это время объяснялась не только сокращением урожая, но и резким возрастанием фискальной нагрузки. Кажется естественным, что в ситуации войны Перисад, как и его наследники

20 лет спустя, мог прибегнуть к введению эйсфоры, средства от которой должны были пойти либо на содержание наёмников, либо на выплату дани скифам¹¹. В такой ситуации негативные последствия этих мер должны были испытывать не только богатейшие граждане, но и все, кто был, так или иначе, вовлечён в торговую и производственную деятельность.

Взаимосвязь между имущественным положением, доходами, профессиональной специализацией граждан, активно участвовавших в политической жизни, и конкретным типом политики, установленной в том или ином государстве, была отмечена уже античными мыслителями, в частности, Аристотелем¹². Рассуждая в своей «Политике» о различных типах государственного устройства, он использовал специальный термин для обозначения политически активного большинства – политевма (*Arist. Pol.*, 1279a25-28). Согласно Аристотелю, политевма и полития – в сущности, неразделимы и взаимно обуславливают друг друга. На спартокидовском Боспоре с его монархической формой правления эта взаимосвязь, возможно, проявлялась не так ярко, однако и здесь социальное влияние аристократии неизбежно конвертировалось во влияние политическое.

Об этом свидетельствует не только рассказ Диодора, но и свидетельство Исократ о Сопее, который благодаря своей «дружбе» с боспорским правителем приобрёл богатство и большой политический вес в системе власти Спартокидов (*Isocr. XVII*, 3-5). Сопей имел в своём распоряжении корабли, которые отправлял в Афины для продажи хлеба, и то, что Исократ ставил его в один ряд с боспорским правителем по заслугам в обеспечении афинян продовольствием (*Isocr. XVII*, 57), красноречиво говорит о масштабах этой торговли. Одновременно Сопей занимал важный пост в политической иерархии государства Спартокидов (*Isocr. XVII*, 3). Сам Сопей, судя по его негреческому имени, был выходцем из местной скифской или синдо-меотской среды, и, следовательно, мог и не обладать статусом пантикапейского гражданина. Однако не исключено, что «друзья» Спартокидов, упомянутые Диодором, имели непосредственное отношение к пантикапейской полисной общине. В таком случае, не расправа Эвмела над своими родственниками, а именно репрессии против этих влиятельных членов полисной общины должны были вызвать возмущение пантикапейцев, ведь до этого, в борьбе между сыновьями Перисада I, граждане боспорской столицы занимали подчёркнуто нейтральную позицию, о чём свидетельствует их неучастие в военных действиях 309 г. до н.э. и отказ поддержать Притана после поражения того в Синдике (*Diod. XX*, 24, 2). На наш взгляд, нарушение боспорским правителем политического порядка, обеспечивавшего особое влияние знатных пантикапейских семей, являлось причиной тех гражданских волнений, которые, помимо необходимости окончательного утверждения своей власти на Боспоре, вынудили Эвмела созвать экклесию. Это же косвенно свидетельствует и о характере пантикапейского народного собрания 309 г. до н.э., одним из главных

вопросов которого было восстановление поправленных прав наиболее влиятельной и богатой части граждан. Вероятно, это и было сутью восстановления «отеческого образа правления», о котором торжественно объявил Эвмел (Diod. XX, 24, 4).

Таким образом, анализ программы первоначальных действий Эвмела, с которой он вышел к народному собранию, позволяет предполагать, что в этом органе полисной власти были представлены, в первую очередь, интересы граждан со средними и высокими доходами. Традиционные для беднейших слоёв демоса требования перераспределения земли и кассации долгов, если и звучали на подобных собраниях, то должны были иметь второстепенное значение по сравнению с призывами их более состоятельных сограждан. В целом, боспорская ситуация 309 г. до н.э. наглядно демонстрирует характерную для греческого полиса тесную взаимосвязь социальной и политической сфер, которая, в первую очередь, проявлялась в деятельности важнейших институтов власти, таких как народное собрание.

¹ Блаватский В.Д. Воззрения боспорского анонимного историографа конца IV в. до н.э. // *Античная археология и история*. – М., 1985. – С. 203-207.

² Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949. – С. 75; Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // *ВДИ*. – 1953. – №4. – С. 60-61; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования*. 1984 год. – М., 1985. – С. 150-151, 166-167.

³ Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. – С. 80-82; Жебелев С.А. Северное Причерноморье. – М.-Л., 1953. – С. 178; Колобова К.М. Указ. соч. – С. 60.

⁴ Виноградов Ю.Г. Фанагорийские наёмники // *ВДИ*. – 1991. – №4. – С. 25-26; Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства // *ВДИ*. – 1989. – №2. – С. 189-190.

⁵ Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // *ВДИ*. – 1985. – № 1. – С. 57-72.

⁶ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности. – СПб., 1897. – Ч. 1. – С. 264-266.

⁷ Жебелев С.А. Указ. соч. – С. 133-134.

⁸ Глускина Л.М. Эйфора в Афинах IV в. до н.э. // *ВДИ*. – № 2. – С. 23-38.

⁹ Ruschenbusch E. Die athenischen Symmorien des 4. Jh. v. Chr. // *ZPE*. – 1978. – Bd. 31. – S. 275-284.

¹⁰ Ober J. Mass and Elite in Democratic Athens: Rhetoric, Ideology, and the Power of the People. – Princeton, 1989. – P. 128.

¹¹ Ростовцев М.И. Указ. соч. – С. 189-190.

¹² См.: Hansen M.H. Polis, Politeuma and Politeia. A Note on Arist. Pol. 1278b6-14 // *From political architecture to Stephanus Byzantius: sources for the ancient Greek polis*. – Stuttgart, 1994. – P. 91-98; Ober J. The Polis as a Society. Aristotle, John Rawls and the Athenian Social contract // *The Ancient Greek City-State*. – Copenhagen, 1993. – P. 129-160.